УДК 398.8

DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-2-105-114

Музыкальные лейтмотивы
научного творчества Е.С. Новик:
отражение музыкальных традиций
народов Сибири
в работах исследователя

Оксана Э. Добжанская

*Арктический государственный институт культуры и искусств,
Якутск, Россия, dobzhanskaya@list.ru*

Аннотация. В работе обсуждаются статьи Е.С. Новик, опубликованные в 1980–1990 гг., в которых нашли отражение темы музыкальной культуры и музыкального фольклора коренных народов Сибири. В работе «К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока» затрагивается знаковая роль пения в нарративе: пение в повествовательных жанрах является признаком сакральности сообщения. В статье «Архаические верования в свете межличностной коммуникации» исследователь отмечает важную роль звука/голоса для выполнения сакральных практик, а затем приходит к выводу о сакральной природе музыкального дарования, рассматривая певцов и музыкантов в функции посредников-медиаторов между мирами людей и духов. Идеи о магической природе певческого и сказительского дара, подкрепленные примерами из фольклора народов Сибири, развиваются в статье «Магическая функция фольклорных нарративов в традиционной культуре народов Сибири: прагматическая структура и перлокутивный эффект повествовательного текста». В статье «Вербальный компонент промысловых обрядов (на материале сибирских традиций)» содержится богатая информация об интонационном разнообразии обрядовых формул, немало ценных для музыковедов замечаний в области различения типов интонирования. В статье «Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири» исследователь сосредоточила внимание на архаических пластах фольклора – интерпретации и имитации природных

звучков, представлениях, связанных с голосом человека и «голосами» мифологических персонажей. Идеи Е.С. Новик о музыкальном фольклоре коренных народов Сибири не утратили актуальности – наоборот, значение ее работ усилилось на современном этапе в связи с геокультурными исследованиями Арктики.

Ключевые слова: народы Сибири, музыкальный фольклор, Е.С. Новик, обрядовые формулы, сакральные практики

Для цитирования: Добжанская О.Э. Музыкальные лейтмотивы научного творчества Е.С. Новик: отражение музыкальных традиций народов Сибири в работах исследователя // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2021. Т. 4. № 2. С. 105–114. DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-2-105-114

The musical leitmotifs
of the academic works of E.S. Novik.
A reflection of the musical traditions
of the Siberian peoples
in the works of the researcher

Oksana E. Dobzhanskaya

*Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk,
Russia, dobzhanskaya@list.ru*

Abstract. This article is dedicated to the discussion on the articles by E.S. Novik, published in 1980–1990s, which reflect the themes of musical culture and musical folklore of the indigenous peoples of Siberia. In the article «On the typology of genres of non-fairy tale prose of Siberia and the Far East» she touches upon the significant role of singing in the narrative: singing in narrative genres is a sign of a sacred message. In the article «Archaic beliefs in the light of interpersonal communication» the scholar points out the important role of the sound/voice for performing the sacred practices, and then comes to a conclusion about the sacred nature of a musical talent, considering singers and musicians as the mediators between the worlds of people and spirits. The ideas about the magical nature of the singing and storytelling talents, supported by the examples from the Siberian folklore, are developed further in the article «The magical function of folklore narratives in the traditional culture of the peoples of Siberia: pragmatic structure and perlocutionary effect of the narrative text». In the article «The verbal component of the hunting and fishing rituals (based on materials of the Siberian traditions)» one can find plenty of data on the intonational diversity of the ritualistic formulae, as well as the solid number of the notes, concerning the distinguishment of

the different types of intonation, which might be useful for musicologists. In the article «Semiotic functions of the voice in Siberian peoples' folklore and beliefs» the researcher is concentrated on the archaic folklore strata – interpretation and imitation of the sounds of nature, beliefs, related to the voice of a human and «the voices» of the mythological characters. The ideas of Novikova on the musical folklore of the indigenous peoples of Siberia not only are still topical, but furthermore, their significance has increased at the present stage, due to the geocultural research of the Arctic region.

Keywords: peoples of Siberia, musical folklore, E.S. Novik, ritualistic formulae, sacral practices

For citation: Dobzhanskaya, O.E. (2021), The musical leitmotifs of the academic works of E.S. Novik. A reflection of the musical traditions of the Siberian peoples in the works of the researcher, *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 4, no. 2, pp. 105–114, DOI: 10.28995/2658-5294-2021-4-2-105-114

Мое знакомство с работами Елены Сергеевны Новик началось в 1990-е гг., в период работы над кандидатской диссертацией о музыке в обрядах нганасанских шаманов Тубяку, Демниме, Дюльсымяку Костеркиных. Несмотря на то что я сама присутствовала на записи и участвовала в полевых сборах, шаманские обряды было довольно трудно понять с точки зрения музыкального искусства. Хотя по ним имелись этнографические комментарии от носителей культуры, а также записанные нганасанские тексты с переводом на русский язык и ноты музыкальных фрагментов, однако материал «ускользал» от понятийного обобщения, не укладывался в имевшиеся в моем арсенале традиционные структуры и формы. В это время я начала читать монографию Елены Сергеевны Новик «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме» [Новик 1984], и должна признать, что эта работа для меня стала своего рода «нитью Ариадны» при анализе сложного музыкального материала шаманских обрядов нганасан. Потом в диссертации для понимания музыкальной композиции шаманского обряда я придерживалась выявленной Е.С. Новик структуры обряда¹ как своего

¹ Кратко напомним читателям, в чем суть концепции, изложенной в монографии Е.С. Новик «Обряд и фольклор в сибирском шаманизме...». Шаманский обряд есть строго регламентированная сюжетная структура, имеющая три обязательных раздела. В начальном разделе камлания шаман призывает, собирает спящих дотоле шаманских духов, заказчики обряда извещают шамана о причине камлания, излагают свои просьбы. Эта часть обряда, по классификации Е.С. Новик, соответствует

рода «канона». Разделение обряда на сюжетные блоки позволило структурировать его музыкальную ткань на части, группировать напевы, понять функциональную предназначенность стиля пения (длительного «пролога» с экспозицией мелодий духов-помощников – в начале, экстатического – в центральной части обряда, успокаивающегося – в конце). Через несколько лет удалось выявить и тональные закономерности в звуковысотной организации шаманского обряда. Таким образом, музыкальные материалы нганасанских шаманских ритуалов легко легли на канву сюжетных блоков и доказали достоверность выявленных Е.С. Новик фундаментальных закономерностей в сюжетном строении обряда.

К сожалению, мое личное общение с Еленой Сергеевной было очень кратким. В 2008 г. я привезла ей в подарок свежеепеченную монографию «Шаманская музыка самодийских народов Красноярского края». Елена Сергеевна болела и была дома, однако приняла меня с радостью, усадила пить чай и была очень рада книге, особенно внимательно она смотрела помещенные в ней нотные образцы и тексты. Мне было очень приятно найти в ней единомышленника, тонкого знатока и любителя музыки.

То, что Елена Сергеевна – музыкальный человек, хорошо видно из ее публикаций. С большим вниманием она читает и осмысливает труды музыковедов, причем самые «свежие» работы последних лет, вышедшие незадолго до написанных ею статей. Эдуард Алексеев, Игорь Богданов, Юрий Шейкин, Абрам Айзенштадт, Татьяна Булгакова, Борис Добровольский, Аиза Решетникова – вот далеко не полный список исследователей, кого она цитирует, приводит мнения и данные из их работ. Ее интересуют инструментальные наигрыши обских угров, напевы героев якутского эпоса олонхо, личные песни чукчей, шаманские напевы нанайцев, причем не сами по себе, но как часть комплексного пред-

сюжетному блоку «Начало противодействия», в котором различаются процедуры «получение силы», «получение информации о причине несчастья», «получение средств для посредничества». Следующий (центральный) раздел связан с путешествием шамана в мир духов, обращением за помощью к различным богам и заклинанием их. Эта часть (монолог шамана) – самая протяженная и наименее регламентированная в обряде, ведь в зависимости от цели камлания шаман избирает особый путь для ее достижения. Она соответствует сюжетному блоку «Посредничество». В заключительной части обряда шаман передает заказчиком ответ духов, дает участникам камлания напутствия, предсказывает приметы, гарантирующие исполнение обещаний, после чего отпускает духов и укладывает их спать. Этот раздел соотносится с блоком «Ликвидация недостачи» (процедуры «передача информации» и «отсоединение силы»).

ставления о культуре сибирских народов. И это представление для Елены Сергеевны всегда комплексное, междисциплинарное.

Рассмотрим, в каких работах исследователя затрагиваются вопросы музыки. Изберем хронологический путь для их обзора. В статье «К типологии жанров несказочной прозы Сибири и Дальнего Востока» [Новик 2019, с. 52–66] затрагивается роль пения в нарративе. Исследователь подчеркивает знаковую функцию пения в архаических культурах, когда «песня служит способом маркировать чей-то голос, передать прямую речь определенного персонажа» [Новик 2019, с. 59]. То есть пение в повествовательных жанрах является признаком сакральности сообщения: «Звуковая ткань – не факультативная добавка, а важный семантический компонент, который определяет статус текста как монолога определенного лица» [Новик 2019, с. 60]. Эти высказывания Е.С. Новик, сделанные в 1986 г., чрезвычайно важны в плане методологии, так как указывают на сущностную важность музыкального компонента для понимания содержания произведения. Ведь до сих пор, к большому сожалению, встречаются публикации эпических и сказочных текстов, в которых не учитывается музыкальная составляющая (публикации без нотного текста, аудиозаписей и даже без каких-либо указаний на особый – вокальный или вокально-инструментальный – тип интонирования произведения).

В опубликованной в 1994 г. статье «Архаические верования в свете межличностной коммуникации» [Новик 2019, с. 85–152] исследователь, последовательно рассматривая разновидности шаманства, врачевания, гадания, отмечает важную роль звука/голоса для выполнения сакральных практик, а затем приходит к выводу о сакральной природе музыкального дарования: «Столь же зыбки они [границы. – О. Д.] между шаманами и музыкантами, певцами, сказителями, которые считались одержимыми особыми духами, вдохновляющими их или даже непосредственно поющими их устами» [Новик 2019, с. 144]. Обобщая сведения из работ А.А. Попова, В.М. Жирмунского, Г.У. Эргиса, В.М. Кулемзина и других исследователей, Е.С. Новик заключает, что «приобретение певческого или сказительского дара связывалось с легендами о “получении” его от знаменитого певца или божества, о насильном его навязывании и даже о преследовании и мучениях, которым подвергается при этом будущий певец» [Новик 2019, с. 144]. И далее автор развивает эту мысль в категориях теории коммуникации, рассматривая певцов и музыкантов в функции посредников-медиаторов между мирами людей и духов и ставя их в один ряд с шаманами, провидцами, гадателями, жрецами. Переходя с уровня логики (на котором посредники-медиаторы рассматриваются как некие «логические позиции») на уровень

эмпирики конкретных культур и фактов, Елена Сергеевна рационально разграничивает виды посредников-медиаторов в зависимости от «способа реализации посредничества», связанного с видом деятельности каждого («магический у колдуна, мантический у ведуна, вербальный у исполнителя словесных формул, акустический у музыкантов и т. д.») [Новик 2019, с. 144], и их конкретных функций.

Автор продолжает развивать идеи о магической природе певческого и сказительского дара, подкрепляя их многочисленными примерами из фольклора алтайцев, хакасов, эвенков, нанайцев и других народов Сибири, в статье «Магическая функция фольклорных нарративов в традиционной культуре народов Сибири: прагматическая структура и перлокутивный эффект повествовательного текста» [Новик 2019, с. 216–227]. Роль сказителя как посредника-медиатора, адресующего свое звуковое послание в мир духов, раскрывается в следующем пассаже: «Адресатами исполнения нарративов в магических целях оказывались не столько присутствовавшие при этом реальные слушатели, сколько слушатели воображаемые: духи-хозяева зверей и сами звери, духи погоды, духи, приносящие болезни, душа покойного и т. д.» [Новик 2019, с. 219].

Данное положение – понимание функций певца-музыканта как посредничество между мирами духов и людей, родственное деятельности специалистов духовных практик, на мой взгляд, до сих пор недостаточно оценено в музыковедении. Духовные основания и значение музыки в средневековых цивилизациях Центральной Азии благодаря текстам персидских и арабских рукописей аль-Фараби, Хорезми, Ибн Сины и других авторов хорошо известны и не подлежат сомнению. Однако музыка сибирских культур, имеющая под собой те же основания, редко осмысливается в подобных категориях и с этой точки зрения пока недооценена. В связи с чем взгляды Е.С. Новик не только не устарели, но являются актуальными, нуждаются в развитии и конкретизации на примере музыкальных традиций народов Сибири и Севера.

Статья 1995 г. «Вербальный компонент промысловых обрядов (на материале сибирских традиций)» [Новик 2019, с. 153–177] также содержит немало ценных для музыковедов замечаний. Чуткое ухо исследователя улавливает интонационное разнообразие словесных формул, разграничивает особые формы обрядовой речи: «Способы произнесения словесных формул отличаются от обычной речи особой интонацией: окончания слов (особенно самого обращения) специально растягиваются, саму формулу “ревут”, “кричат”, “воют” или, наоборот, шепчут либо произносят про себя. Встречаются и другие необычные формы интонирования

(речитатив, пение) или поведения (после произнесения формулы хохочут, прыгают, скачут, отходят, пьются назад, и т. д.)» [Новик 2019, с. 157]. Отмечается применение в обрядах фоноинструментов (идиофонов – бубенцы на лебединых крыльях в обряде жертвоприношения ульчей) [Новик 2019, с. 159], звукоподражаний (подражание крику ворона в эвенкийском промысловом обряде) [Новик 2019, с. 168] и др. Представленная исследователем картина интонационного разнообразия обрядовых формул является настолько выпуклой и интересной, что открывает целый пласт для будущих музыковедческих исследований, пока единичных в данной области (в частности, назовем работы Н.М. Кондратьевой, В.В. Мазепуса, Г.Б. Сыченко [Кондратьева, Мазепус, Сыченко 1999], Т.И. Игнатъевой [Игнатъева 2005], Ю.И. Шейкина [Шейкин 2018]).

Особо хотелось бы остановиться на концепции «голоса» в культурных традициях народов Сибири, которую Елена Сергеевна обосновывает в статье «Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири» [Новик 2019, с. 228–253], опубликованной в 1999 г. Исследователь сосредотачивает внимание на архаических пластах фольклора – интерпретации и имитации природных звуков, представлениях, связанных с голосом человека и «голосами» мифологических персонажей, – наименее изученных феноменах, часто находящихся вне исследовательского фокуса. Приведенные в статье Е.С. Новик данные не только не утратили актуальности, но наоборот, значение работы усилилось на современном этапе в связи с геокультурными исследованиями Арктики. В частности, исследователь раскрывает семантику звука в архаическом фольклоре: «Звук, подвергаемый интерпретации, воспринимается как своего рода “жест” в интеракциональном понимании этого слова, т.е. как намерение лица, издающего звук, передать некую информацию или побудить на ответную реакцию» [Новик 2019, с. 229–230]. Акустические сигналы, издаваемые животными и птицами, природными явлениями, предметами, становятся «голосами» одухотворенного окружающего мира, несут в себе информацию (предостережения, приметы, сообщения), при этом «толкованиям подвергается и сам звук, его акустические характеристики, и его воздействующий эффект» [Новик 2019, с. 232]. Человек слушающий и слышащий окружающий мир, воспринимающий звуки природы, интерпретирующий их как значимые сообщения, – именно этот образ возникает при чтении текста статьи. Здесь же Е.С. Новик приводит шорскую поговорку: «Что ушам будет слышно, то и глазам будет видно» [Новик 2019, с. 229], акцентируя значение акустического канала для восприятия окружающего мира у народов Сибири. Значимость слухового восприятия для постижения окружающего мира у аборигенов

Севера подтверждают полевые материалы автора статьи, записанные среди нганасан в 2021 г.² Высказывания информантов при интервьюировании подтверждают, что человек может «видеть» звуками. Например, В.С. Момде подробно объясняет, как звук ручья вызывает перед ее мысленным взором картину ручья, звуки голосов перелетных птиц рождают осенний пейзаж.

Не менее важен для формирования архаического музыкального фольклора, по мнению Е.С. Новик, и пласт акустических знаков, который используется в звукоподражаниях: «В них человек выступает в роли отправителя сообщения, но маскирует себя, имитируя “голоса природы”» [Новик 2019, с. 232]. Исследователь подчеркивает роль звукоподражаний в сфере невербальной коммуникации как средства «управления поведением тех, чей голос имитируется» [Новик 2019, с. 233], в связи с чем они находят широкое применение в охотничьей практике (как голосовые манки и манковые инструменты). Указывает на роль звукоподражаний в выработке «языка доместикации» животных: «На воздействующем эффекте звуков основаны командные выкрики оленеводов, управляющих перемещением и психологическим состоянием стада, приемы успокаивания особи и стада при помощи особых возгласов и даже специальные напевы, предназначенные для “звуковой терапии”» [Новик 2019, с. 234]. Нельзя не согласиться с мнением автора о роли звукоподражаний для становления языковых элементов музыкального фольклора: «Нет сомнений, что для генезиса музыкального фольклора (в том числе и для формирования различных типов интонирования, столь существенных для сибирских фольклорных традиций) имитации звуков сыграли гораздо более существенную роль, чем звукоподражания для формирования языка» [Новик 2019, с. 235–236].

Значимые для архаического фольклора представления о «голосе» как принадлежности живой субстанции определяют специфику повествовательного фольклора: «Напев или звучащая речь оказывается “голосом” персонажа, который находится внутри эпического повествования: жалуется, негодует, собирается на бой» [Новик 2019, с. 249]. И далее: «Возможно, что именно представления о “голосе” как репрезентации того или иного лица породили и представления о том, что исполнение фольклорного нарратива эквивалентно обряду, т. е. позволяет установить непосредственный контакт с миром духов» [Новик 2019, с. 250]. Выраженные здесь мысли значительно углубляют понимание фольклора корен-

² Полевые материалы 2021 г., г. Дудинка Таймырский р-н Красноярского края. Нганасаны. Интервью с Викторией Сайбовной Момде (1966 г. р.), Зоей Дебубтевной Арепьевой (1960 г. р.).

ных народов Сибири, выводят его на новый концептуальный уровень, связанный с мировоззрением, духовными ценностями, символическими и ритуальными практиками. Это имеет особо важное значение на современном этапе, когда фольклор осмысливается как часть нематериального культурного наследия каждого народа.

Научные взгляды Е.С. Новик о «голосе» в фольклоре народов Сибири нашли подтверждение и продолжение в концепции звучащего ландшафта Арктики, которую развивают в настоящее время этномузыковеды Арктического государственного института культуры и искусств. В звучащем ландшафте выделены несколько слоев: интонационное взаимодействие с природой (воплощение в звуке голосов природы и их осмысливание в обрядовом, песенном и эпическом интонировании), проецирование личности человека вовне (лирика, эпос, обряд), имитационные фоноинструменты [Шейкин, Добжанская, Никифорова 2016, с. 30]. Эти слои не только не входят в противоречие с концепцией Е.С. Новик, но, как кажется, являются естественным продолжением взглядов фольклориста на новом – музыковедческом – уровне.

Подводя итог обзора «музыкальных лейтмотивов», звучащих в работах Е.С. Новик, нельзя не изумиться свежести и чистоте идей исследователя, которые прошли проверку временем и остаются интересными и притягательными для читателя. Хотелось бы назвать еще одну, весьма перспективную идею, которая пока еще не нашла отражения в трудах исследователей музыки. В работе «Семиотические функции голоса в фольклоре и верованиях народов Сибири» Е.С. Новик на уровне архаического фольклора применяет и исследует структуру семиотических функций: денотировать (обозначать), концептировать (означать), регулировать (выражать). На мой взгляд, адаптированная Е.С. Новик к изучению архаического фольклора теория семиотических функций может быть плодотворно использована музыковедами при анализе музыкального фольклора народов Сибири и Севера. В частности архаические жанры (личные и детские песни, обрядовые танцы, шаманские песнопения) могут быть по-новому осмыслены и интерпретированы с этой точки зрения.

Литература

- Игнатъева 2005 – *Игнатъева Т.И.* Музыкальный фольклор юкагиров // Фольклор юкагиров / Сост. Г.Н. Курилов. Новосибирск: Наука, 2005. С. 45–126.
- Кондратьева, Мазепус, Сыченко 1999 – *Кондратьева Н.М., Мазепус В.В., Сыченко Г.Б.* К теории интонационных культур: интонационная

- культура теленгитов // Вопросы музыкознания. Новосибирск, 1999. С. 212–225.
- Новик 1984 – *Новик Е.С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Наука, 1984. 304 с.
- Новик 2019 – *Новик Е.С.* Миф и ритуал народов Сибири: Избранные статьи / Отв. ред. О.Б. Христофорова; сост. С.С. Макаров. РГГУ, Центр типологии и семиотики фольклора. М., 2019. 460 с.
- Шейкин 2018 – *Шейкин Ю.И.* Музыкальная культура чукчей. Новосибирск: Наука, 2018. 208 с.
- Шейкин, Добжанская, Никифорова 2016 – *Шейкин Ю.И., Добжанская О.Э., Никифорова В.С.* Звучащие ландшафты Арктики // Этнографическое обозрение. 2016. № 4. С. 30–44.

References

- Ignat'eva, T.I. (2005), “The musical folklore of Yukaghirs”, in Kurilov, G.N. (ed), *Fol'klor yukagirov* [The folklore of Yukaghirs], Nauka, Novosibirsk, Russia, pp. 45–126.
- Kondrat'eva, N.M., Mazepus, V.V. and Sychenko, G.B. (1999), “On the theory of musical cultures. Intonational culture of Telengits”, *Voprosy muzykoznanija* [Questions of musicology]. Novosibirsk, Russia, pp. 212–225.
- Novik, E.S. (1984), *Obrjad i fol'klor v sibirskom shamanizme: Opyt sopostavlenija struktur* [Ritual and folklore in the Siberian shamanism. The experience in comparing structures], Nauka, Moscow, Russia.
- Novik, E.S. (2019), *Mif i ritual narodov Sibiri. Izbrannye stat'i* [Myth and ritual of Siberian Peoples], RGGU, Moscow, Russia.
- Shejkin, Yu.I. (2018), *Muzykal'naja kul'tura chukchej* [The musical culture of Chukchi], Nauka, Novosibirsk, Russia.
- Shejkin, Yu.I., Dobzhanskaja, O.E. and Nikiforova, V.S. (2016), “Sounding landscapes of Arctic”, *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 4, pp. 30–44.

Информация об авторе

Оксана Э. Добжанская, доктор искусствоведения, Арктический государственный институт культуры и искусств, Якутск, Россия; 677000, Россия, Якутск, ул. Орджоникидзе, д. 4; dobzhanskaya@list.ru

Information about the author

Oksana E. Dobzhanskaya, Dr. of Sci. (Art Studies), Arctic State Institute of Culture and Arts, Yakutsk, Russia; bld. 4, Ordzhonikidze St, Yakutsk, Russia, 677000; dobzhanskaya@list.ru